

— Юрий Борисович, прежде всего о самом главном: как сегодня обстоят дела с вашим фильмом «Шинель» по повести Гоголя? «ЛГ» писала о его трудной судьбе. Известно, что он уже два года законсервирован...

— Практически никак. Правда, в декабре 1988-го после бесконечных отказов и проволочек Моссовет дал разрешение на создание в доме Тарковского музея и мастерской, в которой, может быть, я наконец смогу работать. Да и то не скоро.

— Вы как будто и не рады?

— У меня уже нет сил обрадоваться... Я столько раз верил, радовался, а потом был обманут. И так долго смотрел в глаза, исполненные равнодушия... А, собственно, почему равнодушия? Казалось бы, мой послужной список, вполне приличный, оправдывает и как-то поддерживает меня. В чем дело? Я не знаю. Наверное, надо спросить у тех, от кого зависит моя судьба. Вообще ужасно, что твоя судьба от кого-то зависит. Как сказал Дон Кихот: «Блажен тот, кому небо посылает кусок хлеба, за который он никого не обязан благодарить, кроме самого неба!» А мы все время обязаны, мы в положении просителя. Непрерывная кошмарная война за возможность осуществить кинокадр. Хотя, в сущности, Госкино — исполнительская организация, и все службы, все усилия его гигантского механизма должны быть направлены на этот маленький кинокадрик.

— Несмотря ни на что, вы отказываетесь от заманчивых предложений закончить фильм в других странах. То есть, говоря вашими словами, вам нужен «свой климат», нужна «рана»?

— Обязательно! Представим, что наше общество решило все свои большие проблемы и предоставило гражданам желанный комфорт. Сможете вы в этом случае снимать такое кино, как «Шинель»?

— То, о чем вы говорите, нам не грозит. Во всяком случае, в ближайшие сто лет. Но если и предположить, то и тогда мировые проблемы, которыми болела русская литература XIX века, останутся выше быта. Все равно мы будем решать их и искать истину. Развитой человек не может жить с ощущением полного душевного благополучия. Любю — не только художник. Он должен быть много выше того, что его окружает. Если этой разницы не будет, нация умрет... Мне кажется, в России, имеющей великую литературу, такой угрозы нет.

— Должен ли художник творить на злобу дня, участвовать в житейских конфликтах? Я, признаться, удивилась, узнав, что вы ведете общественную работу...

— Мне самому странно. Я совершенно не общественный человек и привык работать в тишине, почти один. Я не оратор, не оракул. То есть могу выступать на встречах, когда вижу необходимость того, что говорю, и мне нужны вопросы, которые идут из зала. Если просматривать это как общественную деятельность, я человек общественный. А в работе и в обычной жизни хочется уединения. Но я секретарь правления Союза кинематографистов СССР, не скажу, что очень активный, хотя что-то делаю. С большим счастьем поменяю свое секретарство на нормальную каждодневную работу, к которой, собственно, все мы призваны.

А вообще что такое общественная работа? Поездка Чехова на Сахалин — общественная работа? Не была ли это самостоятельная творческая командировка, как у нас пишут, по тревожному письму? Но эта тревога и это письмо были у него в сердце. Письмо он получил давно, может, еще от Радищева. И тут Чехов — человек общественный. Публицист. А с другой стороны, поэзия его тихая, но невыносимая по тяжести и боли. Наверное, дневники Достоевского тоже общественная работа, но с привлечением каких мировых вопросов!

— Как вы думаете, судьба, если она есть, справедлива к человеку? И верите ли в судьбу? В Бога?

— В Бога?.. Нет, не в Бога я верю. Хо-

рошо верить — это действительно крыша над головой. Но религия — вопрос выбора, а не чуда. Мы, скорее, верим в чудо и хотим чуда более, чем возрождения самих себя, в чем, собственно, и заключается суть религии. Она предложена нам как средство примирения нас с самими собой и с миром. Но в большей степени мы себе сочиняем Бога для того только, чтобы было покойно жить. И это дает силы. Но если религия дает еще и ощущение бесконечности жизни, выводя ее координаты за пределы твоего физического существования, и если эта запредельность дает тебе гармонию, то существует ли жизнь после смерти, доказуема ли она — не имеет значения... Как только один человек сострадает другому, появляется Бог. Но что бы мы ни говорили об этом, до истины добремся не покорной верой в чудо, а выполнением нормальных человеческих обязанностей.

А судьба... Судьба, наверное, заболела у нас в стране. Не можем же мы говорить о ее справедливости к миллионнам невинно уничтоженным. Пока вера в Бога имеет больше логики и гармонии, нежели вера в создание для всего человеческого некоего рая на земле.

Мне всегда бывает неловко, когда главы государств, обмениваясь посланиями, желают процветания и благополучия. И не потому, что люди не должны уверенно и спокойно жить, а потому, что «процветание и благополучие» мгновенно подхватывается усредненным обывательским умом, переводится на свой уровень, и тогда появляется зависть к тем, кто хорошо ест, хорошо одевается, все может купить. И с этим связываются гармония и счастье. Но для тех немногих, кто выходит за пределы внешнего «благополучия и процветания», никогда никакое общество не будет гармоничным. Они непрерывно устремлены за границы познаваемого, за пределы расчета, в область, где никакая материя недозвучна. Такой человек действительно строит сам свою судьбу и сам к ней устремляется. Скажем, Высоцкий и Тарковский двигались по своей судьбе по интуиции, абсолютно спокойно созная финал, начертан его в поэзии и кинематографе. Бесстрашие перед жизнью и смертью, может, и есть судьба?

— Но может ли просто жизнь быть самоцелью? Жизнь не ради высокой цели, а ради самой жизни? Ради родных, ради детей?

— И это самое простое и прекрасное, что может быть и к чему бы человек пришел. Если мы не придем к этим простым вещам — по-моему, Достоевский говорил, что семья есть девятая часть счастья, — мы ни к чему не придем. Тогда не будет никакого ядра, тогда что нам защищать? Ради чего, собственно, истреблять энергию, данную нам от природы? А ее надо истребить.

— Юрий Борисович, если отстраниться от трудностей с фильмом «Шинель», все остальное, что с вами произошло и что уже сложилось — дом, семья, дети, друзья, — все устраивает?

— Да как устраивает... Вспоминаю, когда мне было двадцать лет и я сидел у себя дома в Марьиной Роще, в маленькой комнатке у окошка, занимался живописью после того, как приходил с учебы или с работы, — это было упоение, с которым не сравнится ни одно из последующих мгновений жизни. С тоской думаю: зачем я оставил живопись? Ты не должен ни перед кем отчитываться, обязан только самому себе, своей отваге, своему недовольству, своему сопротивлению, и ничему более. В последнее время с горечью понимаю — вот выросли дети, а я мало с ними знаком...

— У вас ведь сын и дочь?

— Да. Сын сейчас в армии, дочь учится в школе-студии МХАТ. Но меня не покидает ощущение, что я разошелся с ними, недостаточно был близок им. Вечное напряжение, из-за которого приходишь домой раздвоенный. Когда порой не хочешь звонить друзьям... А кто страдает боль-

ше чем твои близкие? Можно ли быть довольным такой жизнью? Вряд ли.

Наверное, кто-то подумает, что у меня вполне благополучная жизнь. Ну что же, фильмы снимал, какие хотел, и они нужны чьей-то душе. Все так. Но ведь фильму-то и вообще все, чем занимаешься, не для того только, чтобы это делать. Не в этом смысл. Можно, конечно, называть искусством частью жизни, но это фальшиво и неточно. Наверное, искусство есть непрерывное приближение к тому, что ты не в силах даже сформулировать. Может быть, это называется религией? Жизнь духа? Трудно сказать. Но, занимаясь искусством, ты как бы грешешь у огня, который сам разжиг. Стремись понять что-то такое, что не понимаешь просто живя, просто размышляя, просто гуляя в лесу, видя дождь, землю, снег... Стремись отделить себя от самого себя и представить жизнь, которая вокруг течет, более объективно — через искусство. Это самое важное и выходит за пределы мультипликации, кинематографа и приближается, вероятно, к тому, что называется культурой. И даже выше культуры! Назвав отражение окружающего мира культурой, мы попадаем в очередной замкнутый водоворот, нас опять носит мимо берегов, мимо выхода за пределы жизни... Не думаю, будто для того, чтобы быть подлинно культурным, вернее, ощущать себя действительно радостным человеком, надо непременно овладеть всем запасом знаний, накопленных человечеством. Нет. Можно и безграмотным видеть эту радость. Значит, дело в другом. А в общем, все сводится к очень простому — к ощущению другого человека, вглядыванию в него, как писал Гоголь, как в святую. Но как сегодня освободиться от непрерывной гонки и действительно успеть взглянуть на человека? Можно не успеть. В этом смысле жена, конечно, тот единственный гармоничный человек, который и дает нашим детям ощущение неизбыточности мира.

— Ваша жена работает вместе с вами? — Да, она художник-постановщик фильмов.

— И сейчас она тоже без работы?

— Она не хочет, вернее, не может и, по-моему, не сможет работать ни с кем другим из режиссеров.

— Знакомо вам ощущение гармонии, счастья?

— Да! Но это несколько минут. Мгновение. Счастье может быть от глотка свежего воздуха. Ты вышел на улицу, а снег белый! Это и есть та прекрасная простая радость. Помню, на «Сказке сказок» был период, когда я не шел на работу, а просто летел, не замечая дороги. Наступила зима 1979-го, когда была преодолена самая тяжелая часть фильма. Я вдруг резко разорвал цепь боязни и сомнений. Непрерывный внутренний диалог с администрацией, постоянные доказательства своей правоты приводили только к тому, что я приходил на работу измученный. А потом наступил момент, когда я понял: лучше умру в этом стремлении к фильму, чем буду вести мысленную полемику с начальством... Шел на работу. И увидел, как по ровному снежному полю ходят вороны, разваливая грудью чистый снег. Какое огромное наслаждение им это доставляло! И

их удовольствие передалось мне. Помню, долго стоял и смотрел, глупо улыбаясь. Что произошло? Да ничего. Но запомнилось гораздо отчетливее, чем многое другое. Так вот они — минуты счастья. Есть весна, и опадает листва цветения, и начинается завязь, и, наконец, тяжесть яблок ломает ветви. Ощущение счастья рождается, когда видишь, как живет природа, как движутся ее соки.

— А что помогает избавиться от плохого настроения, от стресса?

— Чаще всего убегаю в лес. И желательнее, чтобы была сырая осень, за шиворот текло и я ощутил всю атмосферу зябкости. Потом прийти домой, выпить горячего чаю. Летом, после грозы, хорошо прибежать на дачу — мы снимаем

БЕССТРАШИЕ ПЕРЕД ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ...

Юрий НОРШТЕЙН:
Крупнейший режиссер-мультипликатор, автор «Ежика в тумане» и «Сказки сказок», лауреат Государственной премии СССР, последние годы отдал фильму «Шинель». Перспективы этой работы пока неясны...

дачу в деревне — и у огня погреться. Важно ощутить быструю природную связь. И все плохое уходит.

В городе это ужасно. Так трудно из себя изъять... Главное — не успеть кого-то из близких обидеть. Лучше остаться одному, походить по улицам, встретить чьи-то взгляды. Очень хорошее лекарство. А нужно немного: чтобы на твоих глазах произошло что-то незначительное, но скрепляющее человека с человеком. Самое простое: кто-то уступил кому-то место в метро, добро передалось по цепочке, совершилось в секунду, и ты вдруг понял — твои неприятности относительно... Или беру сонеты Микеланджело, «Книгу скорбных песнопений» Григора Нарекаци... Помогает то, что скрепляет с жизнью людей. Тогда успокаиваешься.

— А лень вам знакома?

— Еще как! Когда начинаешь работать, сделаешь все, чтобы не начать работать. Будешь прибирать, перекладывать, воображая, что именно это мешает. Если пол не подметешь, доску не обстругаешь... Потом отвлекает другое. Трудно сесть в работу. Но когда вошел, невозможно выйти, она становится величайшим наслаждением и радостью. «...И в сладкой тишине я сладко уснул моим воображением, и пробуждается поэзия во мне...» Дивное состояние, за которое можно платить и жизнью. Вернее, надо платить жизнью.

— Какие взаимоотношения у вас с музыкой?

— Мои пристрастия вызваны работой. На «Сказке сказок» был Бах, на «Шинели» — Шостакович, последние квартеты и сонаты Моцарта, его симфония «Юпитер», где счастье и трагедия составили единое ядро, ощущение жизни полно, а бесстрашие — абсолютно. Некоторые квартеты Шостаковича дают мне ритм движения — в них впрессована бесконечно трагическая программа. Седьмой квартет для меня как бы весь фильм. Все время слушаю его, стараясь надыхаться этой музыкой. Шостакович сам говорил, что некоторые произведения Чехова имеют завершенную музыкальную форму. Очевидно, кино тоже должно подчиняться этому закону.

Но я не всеяден в музыке. Не спешу услышать все новое и быть тут с веком наравне. Думаю, понятие «быть с веком наравне» не означает схватывать все самое свежее, только что из огня. Я же восхищаюсь искусством иных эпох. Та бессознательная энергия, тот религиозный экстаз, которые заложены древним художником, вряд ли воспринимались его современниками так, как переживаются нами, из сегодняшней быстротекущей жизни, такой суматошной и негармоничной...

— У вас много друзей?

— Не много. Есть друг еще с художественной школы. Хотя сейчас и встречаемся, и перезваниваемся редко. Но это ничего не значит. Редко звонишь потому,

дальше? Развивать найденное? Но это чисто формальное развитие: ты разрабатываешь средства, забыв о том, куда все должно стремиться. Поэтому третий фильм — «Ежик в тумане» был уже попыткой выйти на более серьезные вопросы, хотя, казалось бы, сюжет незамысловатый, негде разгуляться.

А потом я вдруг возвратился к идеям, которые во мне бродили, когда я занимался живописью, и к дому, в котором жил. Мне захотелось работать так же, как поэт, который пишет стихи о самом себе или воспоминания о своей жизни, потому что она есть и очень важна; все, что связано с ней, для него сейчас самое главное, что существует в мире. Вот отсюда «Сказка сказок» — рассказ о том простом, мимо чего проходит человек только потому, что не понимает: в этом-то и есть жизнь.

Ну, а «Шинель», идея которой вышла из «Сказки сказок», возникла потому, что в практической работе я вдруг обнаружил новые художественные средства мультипликации, о которых и не подозревал. «Шинель» стала проявлять их.

— Посмотрев материал фильма, я поняла — каждый человек, даже самый дурной, после него задумается над собой. А когда фильм начнет жить среди нас, он изменит людей, изменит общество...

— Я все-таки не до такой степени честолюбив... И нет желания что-то там менять во внутренней цепочке человека. Идеология, мораль должны не впредсказываться извне, а прорастать изнутри. Важна самостоятельная работа человека. Пусть забудет о кино и даже не поймет, что кино на него действовало. И бог о нем. Не в этом дело... Важно одно — сделать фильм. В меру сил. Остальное от тебя не зависит.

— Хорошо, снимете вы «Шинель», что потом?

— Не хочу быть настолько глубокомысленным, чтобы сейчас уходить вдаль, за «Шинель». Хотя есть идеи. Сейчас, как никогда, ощущаю мультипликацию, ту, которую хотел бы делать, как нечто, не бывшее еще на экране. Мне кажется, можно делать библейские мифы: книгу Иова, легенду о Иосифе и его братьях... И только мультипликацией! Потому что ее изобразительная материя превосходит по энергии, по воздействию игровое кино. В ней нет приверженности к натуре, она более фантастична. Фантазмагорична. А как ни странно, то, что содержит больше вымысла, долговечнее. Ощущение, что сейчас все ее энергия скручена внутри и мы еще не поняли, что она такое. Пока тайна... Но если фильм «Шинель» получится не тем, каким мне грезились, я вообще оставлю это занятие.

— И что тогда?

— Не понимаю, можно найти способ зарабатывать деньги. Я не хочу замыкать жизнь на кино. Да об этом рано говорить — мне же еще четыре года работать над «Шинелью» или более того. Хватило бы жизни... Вообще хотел бы на этом истребить себя. Все! Что еще нужно? Я очень надеюсь, что фильм будет продолжен.

— Перестройка поможет вам?

— Да не перестройка должна помогать! Не перестройка, а конкретные люди должны решать мою судьбу. И вообще осознать необходимость перемен. Если осознание придет к нам напором через письма, через газеты или откуда-то из-за рубежа, это все равно будет не то. И трудно рассчитывать на то, чтобы в перестройке, а главное, в изменении самого смысла жизни.

Давно мне хочется дать фильму эпиграф из Нагорной проповеди Христа: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо где сокровища ваши, там будет и сердце ваше»...

Беседовала
Елена КРАШЕНИННИКОВА